Двери во Тьме

Автор:
Мария Круз

Двери во Тьме

Мария Круз

Андрей Круз

На пороге Тьмы #2

На что идут люди ради того, чтобы добиться своей цели? На что готов пойти ты, чтобы вырваться из мрачного и опасного мира, в котором оказался? Что сделаешь для того, чтобы остаться с любимой женщиной? Чем ради нее пожертвуешь? Почему, несмотря ни на что, самым страшным врагом человека остается человек? И как все же оставаться человеком там, где оставаться им сложно?

Андрей Круз, Мария Круз

Двери во Тьме

В руках у меня пистолет – большой, тяжелый, вороненый, пахнущий оружейным маслом. Нет, стрелять не собираюсь, я сейчас дома сижу, за столом, и на этом самом столе старая газета расстелена, и на ней я этот чищу. Пистолет называется «ТТ». Но для меня он именно что «так называется»: на привычный мне чуть неуклюжий, но плоский и мощный пистолет образца тридцать третьего года он похож очень относительно. Если честно, то устройством он больше напоминает американский Кольт М1911. Хотя и от «моего», привычного ТТ, тоже есть немало. Ударно-спусковой механизм, например, целиком вынимается. И затворная задержка запирается на пружинную защелку. Зато в этом, в отличие

от привычного ТТ, есть ручной предохранитель, большой и удобный, как у «американца». А вот автоматического предохранителя с «клювом» и «бобровым хвостом» – нет. И американской дульной втулки. Зато есть чисто кольтовская удобная рукоятка. Хотя держать ТТ все же похуже получается, чем кольт, того самого «клюва» на затворе не хватает – это из-за него «американец» так быстро и четко ложится в руку. У ТТ этого затыльник затвора округлый, тут с «нашим» ТТ полное совпадение.

Калибр у этого ТТ тоже не как у нашего. Не маузеровский патрон 7.62, а какой-то совсем непривычный девятимиллиметровый, с длинной, двадцать три миллиметра, гильзой. Мощный патрон, серьезный, довелось уже убедиться. И сам пистолет, естественно, чуток потолще. Называется этот патрон «9 миллиметров длинный». Есть еще и «короткий», но это уже про совсем другие пистолеты.

«Почему все не так?» Что случилось с этим ТТ, почему он так изменился?

Нет, он не изменился. Он тут с самого начала такой, таким и придуман. И патрон тоже маузеровский, но так называемый «экспортный», то есть девять на двадцать три он был изначально. Вместе с комиссарскими маузерами он попал из Германии в СССР, где со временем его сделали основным калибром для пистолетов и пистолетов-пулеметов.

Непонятно? Это где так? А вот здесь, где я сейчас.

Это просто я сейчас черт знает где, в каком-то непонятном, пустынном, мерзком, отвратительном мире, в который я просто взял да и провалился. Как? А вот так, пошел генератор чинить, дверь сарая захлопнулась, и в полной темноте я переместился черт знает куда. И теперь в этом черт знает где и живу. Хотя… хотя совсем-то жаловаться грех, все могло закончиться куда хуже. А я вот женщину нашел и влюбился, а она возьми да и ответь взаимностью. Разве плохо? Разве этого мало? Немало. Даже много.

Мир похож на мой… но не совсем. Как вот этот самый пистолет на свой аналог в «моем слое», как здесь принято говорить. Что-то похоже, а что-то вообще другое. И время словно назад отмоталось, лет на пятьдесят примерно.

А вообще время здесь странное. Тут все как в заводи у реки – вроде рядом течение, а здесь по кругу все движется, несет всякие травинки-щепочки – нас, в общем, – то туда, то сюда. Не стареем мы здесь. Почти. Чуть-чуть совсем, эльфы, блин.

Так все хорошо? Да я бы не сказал. Плохой тут мир, даже кажется, это и не мир вовсе, а какое-то «подмирье» вроде подкладки, от старого пальто отпоровшейся, что-то не так здесь: не зря такие же, как я, «попаданцы», которые и составляют местное население, зовут его Отстойником. Отстойное место. И еще здесь живет Тьма. Что такое Тьма? А опять же черт его знает – тут сколько людей, столько и мнений, похоже. Только ей все эти мнения до одного места. Она тут есть, и она разрастается. А мы отсюда, из-под подкладки, никак выбраться не можем – ни назад, откуда провалились, ни куда еще. И когда Тьма распространится на весь этот мир, многие из нас будут еще живы, потому что мы, как я уже сказал, даже не стареем. Те будут живы, которых не разорвут твари, приходящие к нам из этой самой Тьмы. Дерьмовое все же здесь место, и жизнь здесь дерьмовая.

* * *

Федьку выписали из госпиталя в субботу утром, и я заехал за ним. Настя, радуясь наступившему выходному, да еще и наложившемуся на заведомо нелетную погоду – дождь, хоть и мелкий, сыпал с самого утра, – и возможности посидеть дома, занялась уборкой нашей крошечной, но уже вполне обжитой конуры. А днем должны были доставить заказанную мебель, призванную превратить уныло-казенную жилплощадь в некое подобие уютного семейного гнездышка. Жалкое, конечно, подобие, но все лучше, чем сейчас, будет.

«Раненый герой» вышел из дверей ровно в одиннадцать, опираясь на палку, хотя, судя по походке, она ему была не слишком нужна. Хотя, может, мне это и показалось.

– Ну ты как вообще? – спросил я его, стоящего на госпитальном крыльце и оглядывающегося по сторонам.

Смотреть особо было не на что – поздний ноябрь всей своей бесконечной мерзостью навалился на Углегорск, засыпая мокрым, быстро тающим снегом грязные разбитые мостовые. Отвратительная картина, если честно, глянешь – и

из дому выходить не хочется. Ну разве что до шашлычной Шалвы Абуладзе, чтобы там забазироваться за столом в уголке и никуда уже не уходить. До весны как минимум.

– Да вроде нормально, – сказал Федька. – Опять же не без пользы – медсестричка там сексапильная, познакомился, получается.

– Тебе бы все одно, – лицемерно вздохнул я. – Милославский премию нам выписал, так что законно отметим твой выход.

– Если насчет премии не врешь и в шашлычку приглашаешь – то тем более нормально, – решительно заявил вообще редко унывающий Федька, продемонстрировав редкое совпадение взглядов на то, как хорошо и с пользой провести время.

– Как на духу, сама честность! – запротестовал я, стукнув себя кулаком в грудь для вящей экспрессии. – Оклад за полгода, Милославский подмахнул, и я свою уже получил. Кстати, чего это «приглашаю»? Ты что, финансово не участвуешь? Тебе премию тоже выписали. Нам выписали, я уточняю, не мне.

– Мне ж нельзя, я раненый, – решительно сказал он. – Это ты мне вроде как компенсацию за страдания выплачиваешь. Я тебя грудью и чем попало прикрыл, а ты меня теперь душевно благодаришь и руку жмешь. Ну и угощаешь, само собой.

– Не, ну ни стыда ни совести, – вздохнул я. – Хорошо, подкину тебе по сиротству твоему.

– Во-во, – нисколько не смутившись, радостно закивал Федька. – Ты хоть на машине, или мне, раненому герою, кровь мешками лившему, пешком топать?

– Глаза разуй, – сказал я, указав на припаркованный у самых госпитальных ворот «тазик» – маленькую, но шуструю и проходимую немецкую амфибию «Швимваген».

– До общаги меня сперва, ага? – сразу последовал заказ.

– А я тебя туда в любом случае – у меня еще дела есть, – сказал я. – Недосуг мне тебя с визитами катать. Потом с Настей заедем, ближе к делу. Годится?

– Вполне, – кивнул он, – все равно от вас ничего другого не добьешься. А что вообще делается?

– А ничего, – абсолютно честно ответил я. – Даже Иван бездельем мается, по-моему: папка у Милославского, от него абсолютно никакой информации, хоть он и обещал что-нибудь рассказать.

Влез в машину Федька все же с трудом: нога явно гнулась плохо. Но влез.

– А ты спрашивал?

– Спрашивал, – кивнул я, прикрывая тент. – На второй день его перехватил на Ферме и спросил. Но он сказал, что пока не готов говорить. Жди, сказал.

– А ты чего?

– Жду покуда, – пожал я плечами. – Что еще остается?

– А Иван говорит чего?

– Тоже молчит как партизан. Чего-то замышляют, похоже.

– Но хоть по делу мы сгоняли? – уточнил Федька.

– По моим впечатлениям – да, – честно ответил я. – Что-то они из этой папки зацепили.

Вообще я ожидал большего, если честно. Милославский, более чем настойчиво заманивая меня на работу к себе, обещал делиться информацией. Приз во всей этой истории для меня предполагался немалый – путь домой, обратно, так что хотелось быть в курсе и не хотелось быть использованным втемную.

Я воткнул первую скорость, нажал на педаль газа, и «тазик», звонко рыкнув мотором, лихо сорвался с места.

– Ты вообще как себя чувствуешь? – спросил я Федьку. – На подвиги уже способен или нет пока?

– Не то чтобы очень способен, но куда деваться? – поморщился он. – Ты же про машины, что в Порфирьевске стоят, говоришь?

– Про них. Зима на носу, скоро дороги завалит. Не весны же ждать. Река со дня на день вставать начнет.

– Это верно, – согласился Федька. – Уж до Порфирьевска точно никто чистить не будет. В общем, баранку вертеть смогу, если только мой «блиц» за это время не скис. Ты его хоть заводил или плюнул на просьбы страдальца?

– Раз в три дня, как ты и просил, страдалец, – честно ответил я, заодно передав Федьке ключи от его грузовика.

Заводился Федькин грузовик рычагом, открывавшим клапаны баллонов со сжатым воздухом, но двери все равно ключом отпирались.

– Надо съездить, не хрен резину тянуть, – сказал Федька, убирая ключи в карман куртки. – Еще один «шнауцер» заведем, «кюбеля» на жесткую сцепку возьмем – и всех делов. А потом зимуем. Кстати, по зиме в Горсвете служба тяжелее становится, а вот чего у нас ожидается… как думаешь?

– Да черт его знает, – вполне искренне расписался я в полном неведении. – С самого выезда в Красношахтинск байдыки бью, появляюсь на Ферме пару раз в неделю – да и все. В основном на самолете летаю, вроде как матчасть осваиваю с прицелом на будущие подвиги.

Вышло так, что откомандировали нас с Федькой с основного места службы местной науке помогать. Сначала мы от такой помощи чуть башки не лишились, Федька вон даже в госпиталь угодил, и вообще спаслись чудом, но теперь начальство о нас вроде как вообще забыло. Выплатило премию за геройства – и все, как и не стало его. Если так дальше пойдет, то зимой можно вообще в

спячку впадать. Или в запой уходить.

– Полетел?

– Да вроде бы, – осторожно кивнул я, опасаясь сглазить. – Сколько раз взлетел, столько раз и сел, пока дебет с кредитом сходится.

– А когда мы на мародерку воздухом? – сразу перешел к практической части Федька.

– Ну ни фига себе ты барин, – поразился я заявлению. – Настя меня расстреляет прямо на дому за одну идею. Если только за новыми самолетами, а так… Моторесурс не бесконечен.

– Не, откуда самолет смародерить можно – не знаю, – сознался мой приятель. – Знал бы – сказал. А вообще, заманчиво было бы сейчас еще бабла наколотить и всю-всю зиму напролет бездельничать. Банька, рыбалка, шашлык и все такое. А?

– Это верно, зимой служба везде уныло идет, – согласился я с ним. – А тут…

– Рыбалка тут на льду хорошая, – пояснил он и спросил: – Не увлекаешься?

– Как-то не довелось.

Хотя после такой осени зимы уже ждать как праздника начинаешь. Хоть грязь на чистый белый снег сменится, и осточертело вечно мокрым быть. Пусть уж белым-бело кругом будет, мороз да сугробы, чем такое вот, как сейчас… слов нет, чтобы описать это так, как оно того заслуживает. А «тазику» моему что… цепи наденем на колеса, да и все. Лишь бы заводился без проблем, но если надо будет, то его и толкнуть нетрудно, легкий совсем. Ему просто пинка дай – он и покатится.

Так, за разговорами, добрались до общаги Горсвета, где я Федьку и высадил, пообещав заехать позже. Он похромал к дверям, а я развернулся на тесной улочке в два приема и поехал в центр Углегорска – так город этот самый называется. Угольный разрез здесь большой, за счет чего люди и живут в этом ни разу не пригодном для жизни месте. Уголь здесь – и свет, и топливо, и даже

бензин из него.

Оставались еще дела: для начала надо было забрать из оружейки Горсвета трофейный СКС[1 - В нашем мире это самозарядный карабин Симонова.], на который мне переставили снятый с утраченной снайперской винтовки прицел ПУ. Мощности этот прицел невеликой, всего три с половиной увеличение, но для карабина он был в самый раз, больше и не надо. Главным достоинством ПУ была его прочность, он ведь даже на пушку ставился, не боялся отдачи, а именно это мне от него и требовалось.

Главным оружейным мастером Горсвета была женщина, худая и мрачная, лицом напоминавшая знаменитую советскую лыжницу Галину Кулакову, и что самое интересное – такую фамилию и носившая. Увидев меня, кивнула вместо «драсти», затем вытащила откуда-то карабин и выложила его передо мной.

– Принимай работу, – сказала она. – Кронштейн металлисты сделали, остальное сама.

Работа впечатляла. Аккуратно сбоку подточили крышку ствольной коробки, чтобы получить вертикальный срез, посадили кронштейн, к которому уже крепился прицел. Можно и снять при желании, хоть и не одним движением. А можно и не снимать: под ним и обычный прицел хорошо видно, и мушку.

Приложился, примерился – нормально, что-то вроде легкой снайперки получилось. А если двумя глазами целиться умеешь, то с таким прицелом и в ближний бой не страшно, мешать не будет.

– Сколько с меня? – спросил я, вытаскивая из кармана «расчетку».

– Стольник, – лаконично сказала Кулакова.

– Без проблем, – кивнул я и выдрал два чека по полтиннику.

На том и распрощались. Завернул карабин в чехол, поднялся наверх, где столкнулся с Пашей – моим штатным напарником по официальному месту работы: я ведь должен на мотоцикле с коляской кататься и пулеметчика возить, каким Паша, собственно говоря, и является.

– О, явился – не запылился, – поприветствовал он меня, протягивая руку.

– Да с проверкой к вам, глянуть, как вы без меня здесь работу заваливаете.

– Надо же, – покачал он головой сокрушенно. – А я понадеялся, что обратно к нам, на усиление. Слушай, это же вы деревню адаптантов разведали у Красношахтинска? С Федькой?

– Не, с Федькой мы на них там только напоролись. Обнаружили с Настей, когда летали маршрут разведывать.

– Понятно, – кивнул он. – В разведбате, кстати, ваш рейд до сих пор без матюгов не вспоминают – они на внезапность надеялись, а после вашей поездки наткнулись на организованное сопротивление, после чего противник отошел за границу Тьмы. Сожгли деревню, а через пять дней их подвижный дозор неподалеку от тех мест в засаду попал, шесть «двухсотых».

– Ну так думать тоже надо уметь, – хмыкнул я. – Если кому деревню сжег – жди обратки, чему тут удивляться? Они бы все равно их там окружить не смогли, ушли бы адаптанты в любом случае.

– Зато свалить было бы не на кого, – пояснил Паша. – А тут Евстигнеев, говорили мне люди, на заседании Администрации чуть не расформирования научного департамента требовал – так, мол, ему всю стратагему испортили и великой и окончательной победы над силами Тьмы лишили. Крайними вы сами себя назначили, вот что.

– Сами пусть разбираются, – буркнул я, при этом решив для себя, что новость не слишком хорошая: как бы у нас с Федькой от такой драки панов чубы не затрещали.

Вдруг срочно стрелочник потребуется? А мы так словно сами на эту малопочтенную должность напрашиваемся. И прикроет ли нас Милославский, остается только гадать. Я его до сих пор нормально понимать не научился. Вроде и ничего человек, но что-то мутное в нем имеется, исключающее полное доверие. Так доверяешь, на половинку, на тот период, пока ему с тобой дело иметь выгодно.

– Кстати, Паш, мы сегодня в шашлычке у Шалвы выздоровление Федьки празднуем, заходи, если чего.

– А чего, – кивнул он, – и зайдем. С Леной. Настя же с тобой будет?

– Естественно.

– А, ну тогда до вечера.

Разошлись не прощаясь. Столкнулся в дверях еще и с Власовым, своим командиром группы, попенявшим мне тем, что совсем я их забросил; забрался в тесный «тазик» и отправился домой.

Дома работа почти откипела: мебельщики уже сворачивались, принимая из рук Насти честно заработанные деньги. Крошечная квартирка преобразилась, совершенно лишившись того невыносимого казенного духа, который составлял чуть ли не саму ее суть. Теперь же комендант дома, тучный и одышливый Петр Геннадьевич, принял мебель старую на хранение, сложив ее в подвале, а на ее месте появилась мебель простая, из светлой сосны, сделанная в эдаком простеньком скандинавском стиле, но все же радующем глаз.

– А что, очень даже ничего, – одобрил я изменения.

Незамысловато получилось у местных столяров, но вполне даже со вкусом. И чем-то привычным потянуло от интерьера, а то все не могу избавиться от ощущения, что живу в декорациях к фильму про очень мрачную жизнь в не менее мрачные времена.

Настя закрыла дверь за последним из грузчиков, которые с гомоном спускались по лестнице, и ответила:

– Да, мне тоже нравится. Кровать, кстати, удобная.

– Не скрипит?

– Не-а, – покачала она головой. – Я на ней уже попрыгала.

– А под двумя скрипеть будет, как думаешь? – уточнил я.

– Не проверишь – не узнаешь, – сказала она, уставившись мне в глаза.

– Тогда не будем откладывать испытания, – огласил я вывод.

Она только кивнула.

* * *

У Абуладзе в «Телави» собрались часов в шесть вечера, причем впервые все сделали как цивилизованные люди, то есть заранее заказали столик. Самый лучший, у дальней от входа стены, в самом теплом месте. Собралось нас семеро: Паша с девушкой пришел, Иван сам по себе, Федька с той самой медсестрой – маленькой, пухловатой, но вполне симпатичной блондинкой, ну и мы с Настей.

Стол ничем новым не поразил, естественно, потому что Шалва Абуладзе, хозяин трактира, оригинальничать не любил. То есть даже был решительным противником любого новаторства в деле питания местного населения. Сыр, соленья, традиционные грузинские закуски. Потом шашлык был, как всегда отличный. Вина, к сожалению, в наших краях не было, только из яблок, что Шалва обычно называл «это самое» или просто «это», всячески избегая даже самого слова «вино». Ну и водка, естественно, была, куда же без нее. Разлили по первой, поздравили Федьку с исцелением, потом за свой успех в походе выпили. Программа тостов тоже была традиционной, никаких новшеств мы в нее вносить не пытались.

Постепенно посиделки, как это обычно и бывает, разбились на несколько диалогов, причем болтавшие друг на друга внимания не обращали. Настя о чем-то увлеченно болтала с медсестрой, Федька замкнулся на Пашу, а вот Иван, коренастый, бородатый, одетый в толстый свитер под горло, полез в сумку и достал оттуда картонную папку:

– Милославский просил передать вопросник. Займись завтра, а в понедельник в отдел закинь, хорошо?

Я быстро проглядел несколько отпечатанных на машинке листов, поморщился, представив, сколько времени займут ответы на все эти вопросы, но кивнул:

– Сделаем.

– И в понедельник прямо с утра приезжай, хорошо? – добавил Иван. – Вроде бы шевеления начались, так что задачу могут поставить. И машину какую-то обещают дать наконец.

– Дороги-то не развезло еще? Это я насчет задачи.

– Планированием займемся, – пожал плечами Иван. – Подготовкой. Есть одно место, куда нам рвануть надо, и туда вроде с дорогой все в порядке.

Вот как, похоже, что сезон полного безделья заканчивается, сменяясь на безделье относительное. Машину – это да, машину нам обязательно надо новую. Была хорошая, гусеничная и бронированная, но вот вся вышла. Налетела на противотанковое ружье, а потом ее злодеи просто сожгли, после того как мы из нее, подбитой, смылись. Интересно, что теперь взамен дадут? Хотелось бы что-то подобное, по грязи наша «жужа» носилась мухой – так больше никто не умеет, наверное.

– Вань, к слову, – постучал я пальцами по папке. – И все же что мы оттуда вывезли тогда? Что-то это молчание уже напрягать начало, если откровенно. Был же уговор про то, что нас тоже информируют, так?

– Блин, Володь, ну ты меня как врага народа уже с этим пытаешь, – вздохнул Иван. – Нечего пока особо рассказывать. Есть какая-то информация, вроде уже закономерность появления пятен просматривается, но только это так… писями по воде виляно пока. Тыщу раз тебе говорил, что как только что-то понятное появится – тебе сразу расскажу.

– В части касающейся, – уточнил я.

– Ага, именно в ней, – чуть разозлился Иван. – Или допуск получай, а меня под пресс не толкай, мне моя работа дорога.

– Ну хоть что-то ты изродить можешь, Вань? – продолжал я наседать на своего начальника. – Сам понимаешь, что нет любви без взаимности.

– Есть служебные обязанности, – оборвал он меня. – Ладно, если кратко – Тьма, кажется, появляется там, где есть массовое захоронение. Или массовая гибель людей.

– Не понял, – удивился я. – Это что, во всех местах, где Тьма, кого-то массово убивали?

– Появляется, я же сказал, – поморщился он. – Прокол в ткани этого мира случается, а уже дальше разливается. Так понятней?

– Поня-атней, – почесал я в затылке. – Погоди, то есть выходит, что в Красношахтинске кого-то недавно порешили, и Тьма перескочила туда?

– Не совсем так, – покачал головой Иван. – Там могли кого-то век назад порешить. Или два. Но дыру в слое уже сделали. Пока Тьмы рядом не было с этим миром, ничего никто и не видел, а как случилось то, что здесь случилось…

– Люди пропали, в смысле? – перебил я его.

– Ну да, или что тут вообще было, черт его до конца разберет, – хмыкнул он. – Ну вот смотри… – Он положил одну ладонь на другую, демонстрируя их мне. – Любой мир – он как ткань многослойная, как покрышка: там и корд, там и сетка, там и резина… – Он раздвинул ладони. – …А тут вроде как все расслоилось. Люди, наверное, в «резиновом» слое застряли, а мы провалились… в сетку, наверное. А она к Тьме близко, и через каждую из дыр та сюда просачивается, понял? Раньше не могла, конструкция была прочная, а теперь вот так.

– Ну да, понял, – ответил я. – А в Красношахтинске что за резня массовая была?

– Там дачи НКВД были, – сказал Иван. – Ничего такого, казалось бы, но потом кто-то вспомнил, что они часто на расстрельных полигонах строились – чтобы и не копал никто лишнего, и чтобы земля не пропадала. Вот и решили проверить документы хозуправления тамошнего, как земля выделялась.

– И как?

– Да так и выделилась, – вздохнул Иван. – Там тысячи две закопано, со всей области везли. Пятно Тьмы свежее, отследить локализацию получилось легко.

– И оттуда и расползается?

– Прямо с дачного поселка пошла, – подтвердил он. – Самый эпицентр.

– Это у вас первое подтверждение, что ли? – немного удивился я. – Не догадывались пока?

– Не первое, – ответил он, перекладывая себе шашлык на тарелку. – Локализовали еще место расстрела немцами наших военнопленных – фронт недалеко ведь был, и есть совсем историческое место, там еще при местном царе-тиране-батюшке бунтовщикам головы рубили массово; его тут тоже все знали, даже в краеведческом музее экспозиция была.

– То есть три точки уже?

– Именно. Достаточная статистическая база получается.

Я задумался. Милославский, помню, мне сказал что-то насчет того, что «одна насильственная смерть дает такой выброс энергии, что может проколоть все миры насквозь». За точность цитаты не ручаюсь, но смысл примерно такой.

– Погоди… – задумался я вслух. – А когда адаптанты жертву принесли и я сюда провалился… это же процесс задом наперед идет, так? Убивали здесь, а дыра в моем слое появилась, нет?

– Не гони программу, – прервал меня Иван. – С этим не разобрались до конца. Будет теория – расскажу, обещаю. Там не все понятно, а сочинять на ходу не хочу. Поговорили – и будет, что мог, то рассказал, и даже больше. Понял?

– Так точно, товарищ научный руководитель группы, – кивнул я, задумавшись. – Не смею дальше беспокоить.

Ладно, хоть что-то, но сказали, появилась информация для размышления.

* * *

В воскресенье проснулись поздно, выспавшись от души – лучший способ борьбы с похмельем, которое было неизбежно после вчерашних посиделок в «Телави». Пока Настя раскочегаривала плитку под чайником, я выложил на кухонный стол переданную Иваном папку. Вопросы, вопросы, бесконечные вопросы…

– Это что? – спросила Настя, заглянув через плечо.

– Милославский прислал, а Иван отдал вчера, на банкете, – ответил я, берясь за карандаш.

– А точнее?

– Очередной опросник по моему слою действительности, – сказал я, поставив первую галочку у первого пункта. – Что-то он все Милославскому покою не дает. Тогда вопросов на двести ответил, а сейчас… – Я заглянул в последний лист, хмыкнул и сказал: – И сейчас триста восемьдесят семь.

Те самые пресловутые двести вопросов Милославский задавал мне сам, делая пометки в разложенных листочках, а теперь прислали в письменном виде новые вопросы. Причем все по моему «слою действительности», от нормальных до идиотских, про «грудь певички Симанович», например, или про какое-то идиотское шоу по телевидению. Похоже, что Милославского больше всего интересует точная идентификация места, откуда я сюда провалился, – вот и выкапывает как можно больше всяких деталей. Большинство, кстати, из тех, что я сам знаю, совпадали, лишь некоторые отличались. А кое-чего я просто не знал, потому что того же телевизора был небольшим любителем.

– Это срочно? – уточнила Настя.

– Да нет, вроде до завтра закончить надо бы, – сказал я, откладывая карандаш. – Все равно с утра на Ферму, заодно и отдам.

– Я на рынок сегодня хотела съездить, – пояснила она.

– Не вопрос, как скажешь, – ответил я с полной готовностью и энтузиазмом.

Рынок – святое, раз мы теперь семейной жизнью живем. Тем более что полуфабрикатов здесь нет, холодильников тоже, разве что зимой за окно в авоське еду вывешивать можно, птицам на радость. Через день приходится или на рынок или в магазинчик. Ну еще в общепите местном обедать можно, что мы чаще и делали: хорошо быть состоятельным парнем, спасибо мародерке, хоть и рисковое занятие до крайности.

– И еще, – сказала Настя, – в Сальцево когда сможем съездить? Тоже на рынок.

– Ну… – я задумался, – …после нашей с Федькой халтуры, хорошо? Машину пригоним – вот и повод скататься появится.

– Хорошо, это не к спеху.

В квартире после заклейки окон было тепло, а теперь еще и уютно стало. Обоев бы еще добыть каких-нибудь и стенки оклеить, но их тут нет. Есть только краска мерзких оттенков, но с этим у нас и так все хорошо – как раз одной такой, нелепо-голубенькой, все вокруг и покрашено. А может… просто побелить все, как потолок? А почему нет? Намешать белил, чуток синьки добавить, как делала моя бабушка на Украине перед каждой Троицей, выбеливая потолки… Точно, раз у нас такой график работы расслабленный сейчас, то займусь.

Я выглянул в окно, на разбитую, залитую лужами грязную мостовую, по которой вперевалку ехала старенькая полуторка, а по тротуарам, прижимаясь к стенам, брели замотанные в плащи и накидки люди, старающиеся как можно меньше грязи собрать на обувь, и поежился. Выходить на улицу вовсе не хотелось, так бы и сидел дома до завтра, с книжечкой и чаем. Но не выйдет, хозяйство – превыше всего.

– Чаю там хоть попьем? – поинтересовался я.

– А как же! И домой чего-нибудь купим, мне готовить лень. – Она томно потянулась и зевнула, прикрыв рот маленькой, как у семилетнего ребенка, ладонью.

Чайная на углегорском городском рынке всегда радовала выпечкой, состоящей все больше из разных пирожков. Хороших пирожков – пока они свежие, с пылу с жару, так вообще иначе как в превосходных степенях описать не получится. Поэтому и забегали мы туда при первой же возможности.

– Хорошо, мне еще плащ-палатку купить надо: пропала моя, – вспомнил я еще заодно про неотложное.

Без плащ-палатки поздней осенью никуда: разверзлись здесь хляби небесные – и сверзаться обратно явно не собираются. Тьфу, гадость. Была у меня она, да вся вышла – осталась в брошенной нами «жуже», из которой мы уносили ноги, сил своих не щадя, преследуемые странными и довольно злобными адаптантами – местной версией сил Тьмы. Пропала, в общем, а мне без нее никуда. А зонтиков здесь нет. Да и вообще надо в пару мест заглянуть, не помешает.

Когда вышли из дома, с неба вновь начало брызгать мелким холодным дождем, который несло прямо в лицо таким же мерзким пронзительным ветром. Я лишь голову в плечи втянул и капюшон штормовки накинул, чтобы не задувало. Хоть бы и вправду зима быстрее – снегом под ногами поскрипеть, а не грязью похлюпать.

Тент над «тазиком» поднялся, скрипнув шарнирами, и уронил с себя целый водопад капель, открывая нам доступ в машину. Уже привычно перебрались через высокий борт – дверей в амфибии не предусмотрено, но с таким неудобством мирились. Мотор «на подсосе» звонко затарахтел, выплюнув облако сизого дыма, затем обороты упали, повинуясь движению маленького вытяжного рычага. Первая передача – и «тазик» резво рванул с места, разбрызгав большую лужу, уже полностью перекрывшую доступ к парадному, и покатил по улице в сторону центра по осыпавшейся грязной листве, между серыми деревьями с голыми ветками, мимо обшарпанных домов. Грязь и запустение, и хоть живут здесь люди, сделать место обжитым у них не получается. Тем более что они его еще и с Тьмой делят, пополам.

Руки сразу замерзли на холодном и мокром руле с тонким ободом, поэтому я вытащил из кармана перчатки и начал неуклюже натягивать их на ходу. Маленькие щетки шустро метались по низенькому стеклу, смахивая с него воду.

На главной улице города, Советской, было народу и машин больше, а вот глубоких луж немного меньше: здесь регулярно подсыпали мостовую гравием, привозя его грузовиками с карьера. На другие улицы усилий городской власти не хватало – если только совсем по минимуму и если только на такие ямы, в каких и грузовик мог утонуть. Люди куда-то шли, ехали, по местным меркам жизнь почти что кипела. Настежь были открыты двери рюмочной и рядом пристроившейся пивнушки, и видно было, что внутри от людей уже не протолкнуться, несмотря на ранний час. Очередь у винного, маленькой грязной дыры на первом этаже обшарпанного здания, в которой торговали дешевой водкой и какой-то бормотухой, тоже внушала уважение. И опять же, несмотря на время, многие выглядели уже пьяными.

Много здесь пьют, по-черному, прямо беда с этим, как в каком-нибудь депрессивном рабочем поселке возле закрытого завода. Тяжкое здесь место, нехорошее, давит на людей, да и не всем так повезло в жизни, как мне. Кто-то ведь до «провала» в чистом офисе сидел, может быть, бумажки перекладывал, а потом так вот раз – и сюда. А что ему здесь светит? Банкиры не нужны, а так – только должность помощника кочегара в котельной, например, большая совковая лопата и гора угля. А потом, после работы – чаще всего общага, глухая и мрачная, да и все. Самоубийств здесь, к слову, было удивительно много, да и убийств в пьяном угаре хватало, хотя с убийцами не церемонились – суд был скорый и суровый.

Все же, как оно обычно и бывает, повезло больше тем, кто в своем «слое» чем-то реальным занимался, ну хотя бы даже торговлей, она ведь тоже не для дилетанта: не умеешь – прогоришь в момент. «Промышленные» профессии ценились, толковым работягам и зарплата была другая; служившие в армии и милиции и со службы что-то помнившие могли пристроиться и здесь служить, с чем мне повезло, например. Нашли себя здесь всякие сапожники-портные, повара да механики, столяры да плотники – в общем, все, кто именно руками работать умел. А вот клерки, искусствоведы и юристы не пригодились, за очень редким исключением.

Улица Советская закончилась, свернули на Каляева. В конце уже нее, разбитой и грязной, показалась стоянка машин, а за ней виднелась вывеска «Колхозный рынок» и высокий деревянный забор. Да, крестьяне тут тоже не пропали, и колхозы имелись. Худо-бедно, но город они кормили – пусть и без великого разнообразия, но и не скудно. Жизнь на рынке кипела, особенно в выходные и особенно по утрам, когда все стремились за покупками. Играла музыка из

репродукторов на столбах, перекрикивались торговцы, шумели в базарных трактирах, пахло соленьями, землей, свежей выпечкой из пекарни. Было суетно, грязно под ногами, но в общем ощущалась вроде как почти нормальная жизнь.

– Мне туда! – решительно заявила Настя, кивнув в сторону магазина с вывеской «Уцененные товары», оставшейся еще от «бывших владельцев». Сейчас там ничего уцененного не было, и этот длинный одноэтажный флигель, осевший в землю расхлябанным фундаментом, делили между собой несколько разнопрофильных торговцев.

– И мне! – с готовностью согласился я.

Скрипнула туго подавшаяся на пружине дверь, грохнула, не вызвав никакой реакции у продавцов: привыкли. Нет чтобы пружину полегче найти или как по-другому этот пушечный удар приглушить – непривычного человека такой до инфаркта довести может.

Сразу за дверью наши с Настей пути разделились. Она завернула в «платяной отдел», заваленный всякой «мягкой рухлядью», с целью еще чем-то пополнить гардероб к грядущей зиме, а я, естественно, практически на автомате направился к Славе Длинному, главному углегорскому оружейному торговцу. Поздоровались, поручкались, а затем он с загадочным видом нырнул под прилавок, вытащив оттуда сверток из промасленной оберточной бумаги, в котором что-то звякнуло.

– Гляди, Володь! – с гордостью развернул он пакет на обшарпанном деревянном прилавке.

– Ну-ка… – заинтересовался я. – Для тэтэшника?

– Точно! – кивнул он. – Уже местное производство, понял? Андрюху Петракова знаешь, у него еще металлоремонт на Васнецова?

– Нет, не доводилось, – попытался я припомнить и не припомнил.

– Вот он наладил производство, для ТТ и кольта, – пояснил Слава, раскладывая магазины из пакета на три кучки.

Я взял магазин и покрутил в руках. Оно понятно, что тот самый Валерка Петраков именно к этим моделям их делает, – выглядят они почти одинаково. Как этот, плоский, с круглыми дырочками, через которые можно патроны посчитать, только крышка не металлическая, а вполне аккуратно вырезана из черной резинки. Это зачем?

– Ничего не заметил? – как-то загадочно ухмыляясь, спросил Слава.

– Нет… стоп… на патрон больше? – сообразил я пересчитать дырки на коробке.

– Точно!

Ага, вот оно что… а с резинкой его и дослать проще, толчком, не прищемишь ладонь, и то, что он торчит из рукоятки, не так критично получается, вроде как и скрыто. А лишний патрон… он вроде и ерунда, а вот в какой-то момент именно его и не хватить может. То есть он не лишний ни разу, это я так выразился неудачно. Он «дополнительный».

Вытащил из кобуры свой ТТ, извлек магазин, выкинул патрон из патронника, затем вставил в рукоятку новый. Нормально, как влитой сел, не шевельнется. Вновь вытащил, зарядил пару патронов в него, проверил, как подача, встает ли на задержку, – все в порядке, никаких проблем.

– И почем?

– По полтешку ващета, – солидно сказал Слава. – И товар новый, и работа ручная, сам понимаешь.

– А беру, – не стал я торговаться и кочевряжиться, благо сейчас при деньгах. – Дай вот… четыре, нет, лучше пять дай.

Слава выложил стопку из пяти магазинов, затем спросил:

– Деревянные щечки на свой пистолет не хочешь? Кто брал – тем нравится. Ручная работа и все такое, дуб.

– Покажи.

Щечки я тоже купил – удобные оказались – и, наверное, долго бы еще топтался, да вспомнил про утраченную плащ-палатку. Настя напомнила, если уж совсем честно. Поэтому побросал все приобретения в сумку и со Славой распрощался.

Плащ-палаток было много в продаже самых разных, но лучше всего были или советские офицерские, или немецкие, и те и другие из хорошо прорезиненной ткани. Хоть год их поливай, а внутрь ни капли не просочится. Выбрал нашу, собственно говоря, за привычный цвет – больше никакой разницы между ними не было. А когда уже уходить собрался, столкнулся в дверях с Мамедом, местным торговцем, вечно небритым толстяком с золотым зубом, всегда одетым в кожаный плащ немецкого самокатчика.

– А, Володя! – обрадовался тот. – Как жизнь, как дела? Чего нового?

– Да все по-старому, Мамед! У тебя как дела?

– Нормально! – ответил тот и сразу добавил: – Я что сказать хотел, да? Ты за баржа «Карась» здесь спрашивал, помнишь? За Серых спрашивал и экипаж, да?

– Было такое, – чуть насторожился я.

– Там еще у них один живой остался, так? – уточнил он.

– Остался.

– Сегодня видел его здесь, – сказал он и посмотрел на часы: – Часа три назад, понял? В чайной.

Мамед торжествующе посмотрел на меня.

Была в городе такая баржа самоходная, шкипера и экипаж которой подозревали в каких-то темных делишках, и все они бесследно пропали – кроме одного, который в последний рейс с ними не пошел. А один человек из Сальцева в качестве оплаты за услугу попросил нас с Федькой разузнать, если получится, о судьбе этого самого единственного уцелевшего. Только Мамед тогда что-то и вспомнил, но именно «что-то», то есть ничего конкретного. Был такой парень, худой и высокий, где живет и чем занят – без малейшего понятия.

– Мамед, и чего? – немного удивился я такой гордости. – А мне с того какой навар, что он тут чаю попил?

– Э-э! – махнул толстой рукой Мамед. – Он с вашим был, из Горсвета, такой лицо круглый, на кота похож, всегда в куртке танковой ходит… вот в такой! – добавил он торжествующе, ткнув волосатым пальцем с большим желтым перстнем мне в грудь.

Точно, на мне была английская танкистская куртка сейчас. Я ее с Горсветовского склада получил в качестве вещевого довольствия. И еще несколько человек в Горсвете такие же носили, в основном ценные специалисты и младшие командиры. И из младших командиров очень круглое лицо было только у одного – моего командира Власова.

– Такого роста, да? – показал я рукой примерный рост Власова. – Еще говорит быстро?

– Да, быстро, – кивнул Мамед. – С кольтом ходит, вижу здесь часто.

У Власова как раз кольт, М1911, так что очень похоже, что именно его торговец в виду и имеет. А кто там может быть поблизости такой худой и длинный?

Больше от Мамеда ничего конкретного добиться не удалось. Но и этого достаточно для начала, учитывая, что я сам не знаю, надо мне этого «длинного-худого» искать или на фиг не надо. Сергей из Сальцева, тот самый, что просил нас этого человека поискать, тоже ничего полезного в ответ нам не выкатил, если уж до конца откровенным быть. Хотя… самому знать никогда не помешает, глядишь, и просто этого самого Сергея, который, к слову, начальник охраны огромного сальцевского базара, под малый должок подтянуть сумеем.

* * *

На аэродром Настя с утра опять не поехала – дождь лил, ветер дул такой, что деревья гнулись, облачность была тяжелая и низкая, так что полетов не ожидалось, хватало одного лишь дежурного у телефона. А мне же пришлось с ленью распрощаться и выбраться на улицу: надо было переться на Ферму.

Федька, как мы договорились с вечера, ждал меня уже на крыльце общежития, спрятавшись от дождя под обшарпанным козырьком подъезда. Он курил, прикрывая папиросу от ветра и влаги рукавом, отчего выглядел жалко, как и любой другой курильщик, пытающийся подымить в подобных условиях.

На палку он уже сегодня не опирался, хоть слегка и прихрамывал. Увидев меня, Федька спустился с крыльца, крикнул:

– Давай к моей машине, а то нога хреново гнется, я в твою и не заберусь!

Полноприводная трехтонка «Опель Блиц» стояла за углом забора, окружающего общагу, в рядок с еще несколькими машинами. Автотранспортом в Углегорске никто не торговал, но бойцы Горсвета, люди все больше лихие и опытные, часто притаскивали трофеи из заброшенных городков области, так что при своих колесах были многие. Гусеницы вот только были под запретом, иначе в городе последним дорогам хана настанет. Да и горючки на гусеничную технику не напасешься.

«Блиц», высококапотный и неуклюжий с виду, но при этом крепкий и добротный полноприводный грузовик, размалеванный бурыми пятнами по серому фону, завелся с пневматического пускача легко. Пристроив свой «тазик» на стоянку, я перебрался в кабину к Федьке, заодно поразившись размерам машины – в моем «швимвагене», что размером с «запорожец», особо-то не разгуляешься, после него все гигантским кажется.

Федька врубил передачу, опель рыкнул и медленно тронулся с места. Разошлась под передними колесами глубокая лужа, громыхнули доски разболтанного кузова. Поехали, короче.

Серые и мрачные городские улицы, привычно малолюдный КПП-3, через который только на Ферму и ездят, больше в том направлении от города никто не живет. Легально, по крайней мере, потому как прошли слухи о том, что где-то в том направлении устроила себе базу какая-то довольно крупная банда. Но на этой дороге они не безобразничали – тут или колонны идут, или просто смысла нет возиться, тут товар не возят, так что мы никого и не опасались. Ну и на самый крайний случай оставался карабин СКС, который я поставил между колен и придерживал за цевье, и Федькин автомат лежал в креплении на потолке.

Пейзаж за воротами сменился сначала полной разрухой, но затем пошел лес, хвойный и поэтому зеленый, даже глаз радующий после обшарпанного Углегорска, который только депрессию вызывать способен. Дорога совсем раскисла под бесконечными дождями, но большой «блиц» этот факт игнорировал и месил колесами мокрый песок вперемешку с грязью. Федька насвистывал, крутил руль и заодно покуривал в приоткрытое окно, заставляя меня время от времени отгонять дым от лица и сожалеть о том, что мы едем не в моем «тазике», в который бы задувало под тент сбоку и где курить бы у Федьки точно не вышло.

Докурив, Федька выбросил длинный папиросный окурок в окно и повернулся ко мне:

– Иван тебе все же рассказал вчера что-то?

– Вот именно что… «что-то», – усмехнулся я. – Вроде бы мы вот что добыли…

В двух словах пересказал Федьке рассказ Ивана, который тоже излишней пространностью не отличался. Мой спутник задумался, потом спросил:

– А нам это что дает?

– Нам? – немного удивился я вопросу. – Пока ничего, кроме факта, что в этом «слое» какие-то дырки образуются. И кто-то пытается научиться ими управлять. Больше ничего пока… Да, кстати, забыл совсем!

Я рассказал Федьке про свою вчерашнюю встречу с Мамедом на рынке, заставив задуматься еще глубже. Обычно вполне решительный, сейчас он озадачился.

– Это что, Пашка получается?

– Почему именно Пашка? – переспросил я.

– Ну а кто? – посмотрел он на меня удивленно. – Если с Власовым, то, скорее всего, из нашей группы. Если худой и длинный, то Пашка. А он сам говорил, помнишь, что на реке работал? Его еще мартыхай укусил, и без него ушли. А потом он… ну, блин, точно же, так и получается!

Федька даже по рулю кулаком стукнул.

Все верно, так и получается. Нельзя сказать, что я до этого не додумался, но больно упоминание о всяких темных делах с Пашей не вязалось. Это скорее про нас с Федькой подумать можно было, мы тут шустрим да халтурим, за длинным рублем гоняемся, все обмануть местную систему норовим, а Паша если и подрабатывает, так на службе сверхурочными и инструкторством. Не похож он на «пособника», ну просто никак. Хотя… про «темные дела» нам Сергей сказал, а он и сам персонаж крученый донельзя, так что никаких гарантий насчет того, что он нам выдал версию правдивую, дать нельзя. Мог и просто дежурную, специально для лохов приготовленную, огласить. И все же…

– Федь, но Пашке пока по-любому ничего говорить не будем, – сказал я.

– А чего это? – немного насторожился он.

– А так… мало ли что там на самом деле, – пожал я плечами. – Посмотрим, что дальше будет. Интуиция, считай. Надо только с Сергея твоего побольше информации получить.

– Ну… как скажешь, – чуток подумав, согласился Федька. – По большому счету, он мне все же не друг, а скорей приятель. Будем посмотреть. И с Серегой поговорим, предъявим типа, во что это он нас втягивает. Может, и проговорится. Хотя вряд ли, – закончил он с большим сомнением в голосе. – Не тот человек.

До Фермы ехали уже молча, оба задумались. Даже Федька призадумался и молчал, хотя молчать он не слишком приспособлен. Вскоре показались обшарпанные кирпичные стены вокруг старого депо, крашенные в бурый суриковый цвет стальные ворота, за ними закрытая со всех сторон вышка с караульным, выглядывающим в узкие окошки-бойницы. Ворота открылись, нас пропустили в так называемый «накопитель», выполнявший роль шлюза, где в очередной раз документы проверили и в глаза посветили, во избежание неприятных сюрпризов. Ну без этого здесь никак – можем ведь и «переродиться» невзначай, как тот мужик в бане. Сидим с Настей в парилке, дверь хлоп – и сразу пальба, насилу отбились. Тоже ведь был человек как человек, а встретился с «призраком», хлебнул Тьмы – и на тебе, получи, фашист, гранату.

Двор депо был просторен. Нашлось место для здоровенного кирпичного сооружения, в котором раньше коротали время паровозы, а теперь обосновался так называемый «виварий». Рельсов не было – их давно на металлургический увезли, в переплавку, но шпалы местами еще лежали. Несколько пакгаузов, гараж и немалого размера административное здание, где мы и квартировали, занимая втроем крошечный кабинетик в самом дальнем углу.

Место для моего «тазика» уже никто не занимал: привыкли, что он в самом конце ряда машин стоит, но «блиц» туда не влез – великоват. Пришлось Федьке приткнуть грузовик впритирку к забору так, что я вынужден был выбираться наружу через водительскую дверцу.

Иван был уже на месте, в нашем общем «кабинете» – как раз прилаживал самодельный кипятильник к стеклянной банке. Рядом на тумбочке стояли три кружки, пакетик чая, и на развернутом кульке возвышалась горка пряников.

– Здоров, Вань, – поприветствовал я приятеля и начальника, попутно вешая на стенку свой карабин, а потом пристраивая туда же штормовку, сегодня на удивление не промокшую: машина у Федьки не протекала.

– Ой, Ваня, вы нам чаю? – с ходу глумливо восхитился Федька.

– Куда вам, дуракам, чай пить? – притворно вздохнул Иван. – Садитесь, что ли.

– Да мы-то сядем, – заявил Федька, плюхнувшись на громко скрипнувший стул. – Ты насчет машины новой не врал?

– Не врал, не врал, – покачал косматой головой Иван, наблюдая за процессом закипания воды. – Машину дали, и Милославский затребовал еще одну «жужу» построить или что-то вроде. Вот так.

– А просто машина нам на фига? – немного удивился я.

– Не хочешь? – в свою очередь удивился Иван. – Тогда на своей катайся. А вообще броня нам пока несильно нужна, к самой Тьме лезть не придется. Ну по ближайшим планам, пока «жужу» не построят.

– И что за машина? – оживился Федька.

– Да что-то ленд-лизовское, пойдем да посмотрим.

– А кто нам мешает? – сказал Федька. – Чай только допьем.

Машина оказалась в общем-то знакомой – канадский полноприводный «шевроле» вроде того, что катался в Горсвете, почти что бескапотный, и стекла у него еще вперед наклонены немного. Чем-то еще на ГАЗ-66 похож, только поменьше заметно, полуторка. И еще тот грузовиком был, а этот вроде микроавтобуса, с одним большим салоном, куда вся наша компания запросто влезет с любым багажом.

– А че, хоть куда, – с явным одобрением огляделся на водительском месте Федька. – Дерева до фига, правда, в конструкции, как в наших, чисто телега, но вообще нормально. А печка че, новая?

– А как же! – гордо выступил наблюдавший за осмотром Степаныч, наш штатный техник. – Сам делал, теперь там кругом Ташкент. Бачок только заливать не забывайте.

Я тоже влез в фургон, огляделся. Простенько все, по-военному, но удобно. Восемь мест, даже ночевать можно, люк в потолке, колеса большие, привод полный, клиренс такой, что под машиной на четвереньках можно пробраться, – хорошо, в общем.

– Милославский распорядился, чтобы вместе и на Ферму ездили, и с Фермы, – испортил Иван первое впечатление.

– С чего это? – удивился я притворно, сразу взявшись за отстаивание наших свобод. – У нас на Ферме постоянной работы нет, что нам там каждый день делать?

– Ага, во-во, – поддакнул Федька. – У нас в Горсвете сутки через трое, забыл?

– Не в Горсвете теперь, – буркнул Иван, похоже, не слишком задумавшись, а просто рефлекторно огрызнувшись на наш очередной демарш.

– В Горсвете, Ваня, – уверенно кивнул ему Федька. – Просто прикомандированы к вам. Не нравится – увольняйте, не пропадем.

– Не пропадем, – поддакнул уже я ему.

– Блин, – разозлился Иван. – Мне как начальник сказал – так я и передаю.

– Вань, – взялся я его урезонивать уже мягче, – а ты скажи, для примера, какая от нас польза на Ферме, если мы ни к каким документам не допущены, ни хрена нам нельзя, техника в порядке… так, что ли, сидеть будем? В потолок плевать?

– Да ладно, ладно, подхватились! – уже всерьез возмутился Иван. – Труженики, блин, хрен чего делать заставишь. По мере надобности будете приезжать. А на «шевролете» я сам поезжу, ну вас в задницу, нежные какие.

– Вань, если чего конструктивное и по делу – это мы запросто, – заявил я. – А вот просто время гробить, вместо того чтобы дела делать и заработки зарабатывать, – не наш стиль. Нет работы – есть халтура, ты же в курсе.

– Ну жлобы… – вздохнул он. – Сами решайте, пусть вас хоть вытурят с работы в шею, мне все равно.

Хоть ему и «все равно» было, но потащил он нас с Федькой обратно в отдел. И не просто так, как выяснилось.

– В общем, Володь… Федя… надо нам в рейд собираться по-быстрому.

– Куда? – лаконично спросил я.

Если честно, то, наверное, и пора уже. Бухтеть мы можем сколько угодно, но по всей логике выходит, что дело делать тоже надо.

– Да считай, что обратно в Красношахтинск, – ответил Иван и, перехватив мой недоумевающий взгляд, добавил: – Не совсем туда, ближе. Примерно туда, где нас прижали, но к самой реке.

– Шахта там, – зябко поежился Федька.

Про шахту отдельно надо. Шахта – это вечная Тьма. Страшнее такого места может быть разве что Тьма натуральная, если можно так выразиться, та, что клубится до самого неба за тем же самым Красношахтинском. А может, и не страшнее даже, а вовсе наоборот. Как-то не доводилось сравнивать на практике, бог миловал.

– А нам к шахте не надо, – сказал Иван. – У нас все проще… – И, перехватив мой сомневающийся взгляд, сказал: – Реально проще, не вру. Мы с воды подойти можем. И даже на берег не выходить.

– Затон, что ли? – вспомнил я карту. – Где уголь на баржи грузили?

– Он самый.

– А на хрена нам он?

– Пароходик один надо поискать, «Карась» называется. – И, глянув на меня, Иван добавил: – С этого момента вам надо вспомнить про подписки, потому что это секретная информация.

Мы с Федькой переглянулись.

– Вань, а чего в этом «Карасе» такого? И с чего он должен там быть?

– Сначала на второй вопрос отвечу: не должен, – сказал Иван, поднимаясь из-за стола и втыкая кипятильник в розетку. – Но может быть. То, что в Красношахтинске ни мародеров, ни разведки до сих пор не было, – ни для кого не секрет, так?

– Мы были, – чуток погордился Федька.

– Мы – да, мы – были, – подтвердил Иван. – Но на нас список посетителей вроде как и исчерпан. А там довольно большая стоянка судов, среди которых вполне может оказаться нужное.

– А что с ним не так? – попробовал я вытащить из Ивана больше.

– Пропал этот «Карась». Вместе со всем экипажем пропал.

– И че? – продолжил тянуть из Ивана слова Федька.

– Это давняя история, – сказал Иван, наблюдая, как пузырьки срываются с нагревающегося кипятильника, опущенного в банку с водой. – Хозяин судна, Серых его фамилия, раньше у нас работал, в научном департаменте. Был у Милославского чуть не правой рукой.

Мы опять переглянулись, пока Иван в другую сторону смотрит.

– …Однажды объявил, что не верит в успех работы департамента, плюнул, топнул, хлопнул дверью и подался в торговцы, прихватив в одной из экспедиций самоходную баржу. Милославский побурчал, все поудивлялись, да и забыли о нем. Плюнул человек на науку – имеет право. Тем более что торговля у него пошла, по слухам, деньги водились – в общем, обжился человек в местных условиях и больше ничего не хотел. Здесь это нормальное явление, вы вон тоже… как веники шустрые.

– И что? – уже я подтолкнул Ивана к продолжению вместо чтения нотаций.

– А то, что Серых, похоже, науку вовсе и не бросил. Точнее – ту ее часть, которая искала отсюда выход. А баржу свою чуть ли не в плавучую исследовательскую станцию превратил. Но когда такие слухи пошли – баржа пропала. Вот, в сущности, и все.

– Что мы там найдем? – уточнил я, поднимаясь из-за стола и вынимая из шкафа свою персональную кружку.

– Серых был ученым, настоящим. – Иван начал обматывать тряпкой горлышко банки, вода в которой закипела. – И всегда вел записи, подробнейшие. Вот эти самые записи неплохо было бы и найти.

Тут Иван речь прервал и приступил к ритуалу разлития чая. Мы терпеливо ждали продолжения речи, но он ничего путного уже не сказал.

– В общем, вот и все, что известно. Баржу ищем, давно и везде, но в те края не совались. Надо сунуться.

– А что так время странно выбрали? – спросил я, отходя с кружкой к подоконнику. – Река вот-вот встанет, времени ни шиша не осталось… много мы так напланируем?

– Если честно – не знаю, – покачал косматой головой Иван. – Подозреваю, что какая-то инфа проскочила, вот и засуетились. Но именно что предполагаю, за точность не поручусь. А до ледостава время еще есть – недели две, как я думаю.

– Водой? – спросил Федька.

– Водой, прямо отсюда, – подтвердил Иван. – Большим катером, с рубкой и печкой. На берег даже выбираться не будем, так что твари не угрожают.

– А адаптанты тоже? – скромно поинтересовался я.

– Адаптантов разведбат в тех краях разогнал, как мне видится, – сказал Иван.

Не, ему бы наивности чуть поубавить надо в каких-то вопросах. То вроде умный и нормальный, а то как ляпнет что…

– Вань, это, опа… они в той деревне жили, – сказал я, отставляя кружку: кипяток, пусть чуток остынет. – Сбежали от разведбата и обратно вернутся, как те уйдут. А не уйти не получится, Тьма близко. И с ума сойдешь, и от «гончих» всяких отбиваться обалдеешь.

– А разведбат ту деревню сжег, – сказал Иван спокойно, подув в кружку. – Вообще сжег, под корень. Некуда им возвращаться.

* * *

Вчера по домам разъехались не сразу, а сначала с Федькой закатились в хинкальную – поужинать и, главное, поговорить. Тема разговора была проста и понятна, так ее Федька огласил:

– А Серега-то с рынка – того… за лохов нас держит.

При этом он, взяв хинкали за «хвост», прокусил бок и высосал из него весь бульон, шумно и с удовольствием.

– Мне вообще-то так с самого начала показалось, – напомнил я. – Хоть и аргументировать не мог. Баржу, похоже, ищут уже все.

– Ага, похоже, – кивнул Федька, попутно активно жуя. – Есть идеи, что из этого вымутить можем?

– Особых нет, – честно признался я. – Но думаю, что некий козырь на руках у нас есть.

– Пашка?

– Он самый. Серега знает просто о том, что кто-то с баржи живой остался, у нас на Ферме, если нас, конечно, не разводят: даже про уцелевшего человека вообще не в курсе.

– И что делать предлагаешь? – спросил Федька, доливая пиво из кувшина в кружки.

– Предлагаю… как из рейда вернемся, чуть глубже в этом покопаться. Людей поспрошать, за Пашкой, может быть, проследить. Помнишь, что нам Мамед говорил про Серых?

– Что он с безопасниками тусовался?

– Точно! – воздел я к потолку указующий перст. – И если Паша у него не втемную работал… а работать в экспедиции совсем втемную может только дебил, то у него какие-то контакты должны быть.

– У меня девка была из безопасности – каждую ночь контакта по три совершали, и что? – скептически скривил морду Федька.

– Само по себе – ничего, а в совокупности с другими фактами может быть и чем-то, – пожал я плечами и отпил пива.

– Ну… да, может, – кивнул он.

В общем, какой-то план действий на будущее определили.

С утра за мной впервые заехали на канадском «шевролете». Воспользовались, так сказать, преимуществами казенного транспорта. Его вчера Степаныч с Фермы погнал следом за нашим «блицем».

Побибикали под окном, а я уже возле него и стоял, дожидался. Помахал рукой, поцеловал Настю, так и не вставшую сегодня с постели ввиду нелетной погоды, и побежал вниз. Поздоровался с толстяком-комендантом, почитывавшим газету за стальной дверью с зарешеченным окошком, да и выскочил наружу, под дождь.

Федька, сидевший, естественно, за рулем, поздоровался за руку. Иван со Степанычем уже сидели в салоне, они мне просто ручкой сделали. Печка была раскочегарена, так что все наслаждались теплом и сухостью, благодать прямо.

– Сейчас катер смотреть будем, – сказал мне Степаныч, покуривающий в приоткрытое окошко.

– То есть мы не на Ферму? – уточнил я.

– Не, в порт едем, – сказал Иван. – Там он. Потом ходовые испытания устроим, и если все нормально, так завтра прямо из города и выйдем. У Фермы на реку выхода-то нет.

– Это без проблем.

Федька тронул машину с места и погнал ее по грязной и мокрой улице, расплескивая лужи. Экипаж оказался трясучим, пришлось рукой ухватиться за ручку из гнутого стального прутка, крашенного в защитный цвет.

– И как тебе машина? – спросил я у Федьки.

– Да отлично, – одобрительно постучал он по большому, полого лежащему рулю. – Медленная, зато гребет как «шестьдесят шестой», где хочешь пролезет. А вот как жрет – еще не понял.

Утро за окном было серым, промозглым и – привычным. У меня в голове весь мир уже так выглядел, мокрым и холодным, потому что ничего другого здесь пока увидеть не довелось. Прохожие все так же кутаются в накидки и плащ-палатки, раздуваемые резким ветром, машины все так же осторожно объезжают лужи. Где-то за окраиной дымит в серое небо металлургический, пачкая его до совершенно непотребного цвета, да и во всем мире доминирует гамма: серость и уличная грязь. Ну и облетевшая бурая листва, скользкая и слипшаяся, которой были выстланы обочины.

– Зима вообще будет или где? – не выдержав, спросил я.

– Будет-будет, куда она денется, – пробурчал Федька, прикуривая от зажигалки. – Еще осточертеть успеет, будешь такой же грязной весны как манны небесной просить.

– Это потом, а пока грязь надоела.

Машина проскочила Советскую до площади Баумана, свернула в сторону реки, на Большевика Проскурина, кто бы это ни был, и затем, выбравшись на Первомайскую набережную, поехала в сторону промзоны, к которой и прижимался местный порт.

У его ворот вновь стало довольно оживленно. Выезжали и заезжали какие-то грузовики, через окна было видно, что два местных кабачка, «Якорек» и «Пирожковая», были полны, в самой заводи, уставленной небольшими судами, работал кран, грузивший с палубы какой-то баржи на грузовик штабель серого силикатного кирпича. Там же, на палубе, были видны накрытые брезентом штабеля ребристого шифера.

На КПП нас пропустили легко, стоило Ивану предъявить удостоверение. Затем мы покатили куда-то между складами, дорогу показывал Степаныч, и когда он гордо сказал: «Вот!» – мы очутились на самом берегу, возле длинного причала-понтона, лежащего на бочках. И к этому причалу было пришвартовано десятка

полтора моторных лодок разной длины.

Нас, похоже, ждали. Едва «шевролет» остановился, из маленького обшарпанного флигелька выбежал невысокий усатый мужик в чистом сером ватнике и фуражке-капитанке, принявшийся здороваться со всеми за руку по мере того, как мы вылезали из машины, и каждому представляться:

– Пашкин! Пашкин! Пашкин! Пашкин!

– Здорова, Пашкин, – хлопнул его по плечу Степаныч. – Мы за катером.

– Да это понятно, – хлопнул тот Степаныча в ответ. – Ты ведь просто так, поболтать да рюмку выпить, не заедешь, только по делу.

– Да ладно, чего врешь? – оскорбился наш механик. – Две недели назад ты же у меня на дне рождения был.

– Так то я к тебе ходил, не ты ко мне, – попенял Пашкин. – Ладно, глядите на ваш катер.

– Веди уж, – буркнул Степаныч, спускаясь к понтону по деревянным ступеням.

Катер удивил своей некрасивостью и калошеобразным видом. Добротная вроде как посудина метров девяти – десяти в длину, с серыми шаровыми бортами отличалась задранным носом, сильно сдвинутой вперед высокой ходовой рубкой грязно-белого цвета с большими окнами и продолжавшей ее рубкой пониже, с фанерными лавками вдоль бортов, на которых можно было усадить человек восемь. Затем был небольшой участок открытой палубы, потом люк в машинное отделение, судя по всему, и еще чуть-чуть места на корме.

– Фига… шаланда, полная кефали, – вроде как даже удивился Федька.

– Сам ты шаланда! – возмутился Пашкин. – Называется это «катер обстановочный», понял? Десять человек может взять. На таких ходили навигационные знаки чинить, причем ходили далеко, топлива он много берет. Движок в двадцать пять сил, с управлением и пьяный ребенок справится. «Шаланда»! – передразнил он Федьку.

Пока они там спорили, я огляделся внутри. Простенько, но добротно. Печка есть. Самая обычная, под дрова или уголек. Большой железный штурвал, стоящий вертикально. Спасательный круг на носу. Покрышки на бортах, штуки по четыре с каждой стороны. Да вроде и нормально. Даже переночевать можно, если подальше от Тьмы. И где-нибудь посреди реки, на якоре. Недаром же говорят, что текущая вода тварей отпугивает.

В крыше рубки два люка, так что при желании и с пулеметом высунуться можно будет. Но лучше не высовываться, потому что это ни разу не броненосец. И даже не бронекатер, какой есть, говорят, у сальцевских, – серьезная штука.

Федька привычно полез на водительское место, то есть, если уж по-флотски, то на место рулевого. Пашкин пристроился рядом, обучая его всему нужному на ходу:

– Вот сюда жмешь – это «пуск», значит. Это сектор газа, так… тут все написано. А вот те штурвал. Степаныч сказал, что в движках ты разбираешься?

– Разбираюсь.

– Ну и ладно, там движок газоновский, простой как мясорубка, – показал Пашкин в сторону кормы. – Слепой разберется.

– А пьяный ребенок? – уточнил Федька, припомнив метафору.

– И он тоже разберется, – подтвердил Пашкин. – Давай, заводи, чего спишь?

Федька хлопнул всей ладонью по большой бронзовой кнопке-грибку, и где-то за спиной глухо забормотал двигатель. Потянуло выхлопными газами.

Иван отвязал лодку от причала, забросив на палубу швартовные концы, крикнул Федьке:

– Давай, поехали!

Федька осторожно сдвинул рукоятку «машинного телеграфа», который лично мне куда больше напоминал сектор газа, вперед, и двигатель зарычал громче, а

за кормой вскипел небольшой пенный бурун. Лодка медленно-медленно тронулась с места, и Пашкин крикнул:

– Больше газу, а то управляться не сможешь!

– Ага!

Мотор зарычал еще гуще, скорость продолжала увеличиваться. Заплескалась в борт мелкая волна, белый бурун поднялся по носу катера, превращаясь в расходящиеся «усы». За кормой вился сизый дымок.

– А че, нормально! – довольным голосом сказал Федька. – Мне нравится. Прямо-таки кругом нравится. Со всех сторон. Вань!

– Чего? – обернулся к нему Иван, проверявший рундуки под откидными сиденьями.

– Надо бы печку испытать.

– Нормальная печка, я проверял, – вмешался Пашкин. – А к завтрему и дров вам сюда подкину, и угля ведерко-другое.

Тут уже меня мысль одна посетила. Ехать ведь нам до Красношахтинска по вихлястому руслу реки не так чтобы быстро, а вообще вся экспедиция может и дня два занять запросто, если не больше, то, следовательно, встает новая проблема:

– Вань, а надо ведь и насчет пайка порешать. Жрать-то чего будем?

– Вов, ты меня за идиота держишь, что ли? – вздохнул Иван тяжко. – Я геологом в поле столько отходил, сколько тебе и не снилось. Готов паек, на Крупе в департаменте лежит, потом заедем да перегрузим в машину.

– А оружие? – спохватился я. – Пулеметы, гранаты и боекомплект на Ферме.

– Съездим. Здесь закончим – и сгоняем.

Катер в управлении был и вправду несложен. Настойчивый Пашкин прогнал нас через обучение управлением поочередно. Я был вторым, сразу после Федьки, и обнаружил, что это куда проще, чем управлять машиной, – скорость совсем ничтожная. Разве что надо чуть-чуть привыкнуть и к инерции при торможении, и к инертности при разгоне и маневре. Но это ладно, с этим мы справимся.

* * *

День получился суетной. То как-то сидели на попе ровно и никуда не спешили, то вдруг оказалось, что рейд надо за один день организовать. Хотя в принципе для русского человека такая организация любого процесса в порядке вещей, так что никто не удивлялся и не возмущался. Сгоняли на Ферму за оружием и гранатами, не придумав ничего лучшего, как положить все это на ночь ко мне в квартиру, туда же закинули ящик сухих пайков. Иван предлагал все это в департаменте оставить, но выяснилось, что при таком раннем выезде мы потеряем кучу времени только на то, чтобы туда попасть. Пришлось вот так.

– Слетать за вами не получится, так что если соберешься рисковать – сюда лучше не возвращайся, – сразу предупредила Настя.

– Да ладно, ладно, мы даже с воды выбираться не будем, – взялся я ее успокаивать. – С реки зайдем, с борта на борт, а потом обратно. Медленно разве что.

– Когда вернешься?

– Через три дня самое позднее. Раньше, скорее всего.

Она заглянула в ящичек комода, затем обернулась ко мне:

– Если через три дня не будет и погода останется нелетной – заберу все деньги из дому и найму людей с судном, понял?

– Угу…

Тут с ней лучше не спорить. Тем более что я как раз собирался и больше думал о том, чтобы чего-то нужного не забыть.

– Твой автомат возьму, не возражаешь?

– Бери, только чистить потом сам будешь.

– Хорошо бы вообще не чистить, – сказал я по здравом размышлении.

Действительно хорошо было бы так тихо до нужного места дойти, там все найти – и так же тихо смыться обратно.

А вообще местная версия ППШ по всем статьям побивает трофейный немецкий МР-40[2 - ППШ – советский пистолет-пулемет Шпагина; МР-40 – немецкий пистолет-пулемет Фолмера, оружие немецкой пехоты.], хоть с виду и грубее выглядит. Если честно, то и «наш» ППШ лучше немца был, но местный – это вообще что-то. И патроном куда мощнее, и надежность выше, и в руках удобно лежит, и даже отдача и подброс за счет компенсатора ниже. Все себе такой добыть никак не получается, но сейчас так вышло, что Насте ее автомат точно скоро не понадобится. А если что, то дома и другого оружия полно.

Так, магазинов шесть штук есть, по тридцать пять. Нормально. Ну и ТТ, куда же без него, с пятью снаряженными магазинами. Еще патроны в пачках – все не на себе тащить. Сотня дополнительных пистолетных – они от автоматных отличаются меньшим зарядом и плоской пулей – и три сотни к автомату, с пулями нормальной, оживальной формы, и это помимо основного боекомплекта. Нормально.

– А если погода наладится, то даже слетаю в ту сторону, погляжу сверху, где вы там и как, – сказала Настя, заваливаясь на кровать с книжкой.

Я выглянул в окно и усомнился в том, что погода может измениться. По стеклу вперегонки катились капли воды, еле видные в темноте черные ветки деревьев метались как руки психа под порывами ветра. Ничто не меняется, провались оно совсем. Дерьмо, а не погода, чтоб ее…

– Думаю, что не слетаешь, – сказал я вполне искренне. – Что читаешь?

– «Жерминаль».

– И как?

– Мне нравится.

А мне когда-то не пошло. Ну да и ладно.

– Ты бы ложился сегодня пораньше, чтобы завтра нормальным быть.

– А так и сделаю, в душ только зайду – и к тебе.

– Я же сказала, чтобы ты выспался, а ты что задумал?

– А мы быстро. И спать буду крепче.

С утра вскочил по будильнику, достаточно заранее, так что хватило времени на чай с бутербродами. К тому моменту как к дому подкатил «шевролет», я уже был одет и собран и по привычке дежурил у окна. Стащили все заготовленное вниз за две ходки, забросили в машину. За рулем на этот раз Степаныч сидел – он нас и провожать будет, и встречать. Вел машину он медленно и степенно, в противоположность постоянно лихачащему Федьке. Неторопливо довез нас по словно вымершему темному городу до пристани, где, как выяснилось, поджидал нас Пашкин, ради такого случая даже заночевавший во флигеле, в своем крошечном кабинетике. И похоже, ночь он там провел с пользой, потому что перегаром от него тянуло заметно, хоть пьяным он и не был.

– Дров вам загрузил, угля тоже, горючего вам хватит, там бак большой, – частил он скороговоркой, стоя у мостков, в то время пока мы таскали на катер все, что привезли с собой.

Первым делом я кинулся печку растапливать: за ночь и без того не слишком теплая рубка выстыла. Нарубил ножом с одной чурки тонких щепок, достал из-за корзины с дровами приготовленную газету «Мой Углегорск». Лязгнула задвижка печки, огонь легко охватил смятый лист, на который я навалил щепок. Огонек побежал по ним легко, запахло горелой бумагой.

– Часов восемь ходу? – уточнил я у Ивана, как раз засевшего за карту.

– Примерно так получается, – сказал он, ведя по голубой жилке русла реки устройством со смешным названием «курвиметр». – Катер не быстрый.

– Темнеет там рано, – поморщился я недовольно.

– Ну а что поделаешь? – сказал он, отложив со стола курвиметр и быстро написав какие-то цифры в открытом блокноте. – В ночь выходить тоже нельзя, не видно же ни хрена. Сделаем что успеем и на якорь встанем, на ночевку.

Огонь разбежался по всем щепкам, и я подложил туда пару чурок, закрыв дверцу. Даже сейчас от печки немного потянуло приятным теплом, а раскочегарится сильнее – так вообще благодать будет, наверное.

Забормотал двигатель, катер отвалил от причала. Я придвинулся к окну из исцарапанного мутноватого стекла, глядя на то, как медленно удаляется от нас ряд лодок, освещаемый светом единственного фонаря: рассвет еще только-только собирался наступить. На пристани остались стоять двое – Степаныч да Пашкин. Вот и все, двинули.

Как открываются люки, я проверил еще вчера, а сейчас к каждому по пулемету выложил. И коробки с лентами запасные поближе разместил. Это наша главная и единственная оборона теперь. Потом пошел к Федьке в ходовую рубку, где уселся на второе… креслом это не назовешь, скорее стул неудобный… но на катерах стульев нет, так что пусть будет просто сиденье. Вот на него и уселся, сбив в кучу и сунув под задницу кем-то забытый серый ватник – для комфорта.

Катер выбрался на середину фарватера и пошел вверх по течению. Дождь продолжал сыпать, капли скатывались по стеклу, размывая и без того смутный в сумерках силуэт берега. Да, света было уже достаточно хотя бы для того, чтобы на берег не выскочить. В Углегорске горели редкие фонари, и кое-где окна светились. Но мало – город даже на работу не начал собираться. Это мы, пташки ранние, уже все в трудах, делах и заботах.

– Позавтракаем, что ли? – выдал довольно мудрую мысль Иван. – Все равно делать нечего.

– Хочешь, порулить дам? – сразу предложил Федька.

– Не, не надо, я лучше поем, – отказался тот.

– Тогда ты чайник и ставь, – сразу предложил я.

– А когда-нибудь ты его ставил? – вроде как возмутился Иван. – Что-то не помню такого, всегда я этим занимаюсь.

– Чайник ставить и кипятильник в банку совать – две большие разницы, как говорили в одном южном городе. В кипятильнике никакого полета нет, а так, баловство одно.

– Я тебе напомню в следующий раз, – посулил Иван, направившись с чайником из рубки.

Выше по течению никакой человеческой деятельности не велось, так что вода в реке, несмотря на пасмурно-мерзкий цвет, была идеально чистой – набирай да кипяти. Присев у печки, открыл дверку и заглянул внутрь. Дрова уже горели вовсю, так что чайник ставить вполне можно было, на этой печке и конфорка была предусмотрена.

Иван зашел обратно, зябко поеживаясь, сказал, притянув за собой дверь:

– Ну и погода, в такую собаку не выгонишь.

– А ты нас погнал, – попенял я ему.

– Если бы я, – отмахнулся он, со звоном устанавливая чайник на печку. Вода на дне чайника сразу же зашипела, испаряясь. – Если бы я командовал, то объявил бы до весны спячку, наверное. Тоже сил уже нет эту осень терпеть.

– Ну ты гля, а я думал, что тебе нравится… – притворно удивился я. – Вот и гоняешь нас в поле только тогда, когда погода совсем уж паскудная.

– Да ладно цепляться, – засмеялся он. – Сейчас ты особенно мокнешь и мерзнешь, наверное. Тут как на даче – сиди в тепле и сухости да вот чаи гоняй. А скоро и жрать сядем, как люди.

– Это пока, – решил я не принимать шутку, чтобы не сглазить. – А дальше черт знает чего ждать.

* * *

Путешествие по реке оказалось и вправду куда спокойней сухопутного. На штурвале менялись, дважды поели, не торопясь и с удовольствием, чаи гоняли и даже вареньем себя баловали, клубничным. И когда мы приблизились к цели нашего путешествия, даже возникшая на горизонте стена Тьмы не вызывала того тяжелого страха, который обычно приходил всегда, когда человек оказывался от нее неподалеку. Вода как будто защищала не только от тварей и зарождения «выходов» этой самой Тьмы, но и от других ее проявлений. А может, и просто подсознание подсказывало, что раз всяким хмырям и «пионерам» тебя на борту лодки не достать и призраки над текущей водой низко не летают, то вроде как и нервничать особо не стоит.

Лодка прошла между быками разобранного моста, который был совсем недалеко от Красношахтинска, и тут уже я, как «военный специалист», дал приказ повысить боеготовность. Примерно с этого места и начинались владения адаптантов, тех самых, что почти извели нас начисто во время прошлого рейда. Пусть Иван и сказал, что тем возвращаться некуда, но я решил всерьез это во внимание не принимать. Есть же здесь, в конце концов, еще и сам город, в который они ходили за всякими нужными в хозяйстве вещами, и я не вижу ничего, что могло бы помешать им это сделать сейчас. Лучше перебдеть, чем недобдеть, любил говорить мой бывший комроты, и я всегда в этом с ним соглашался.

Рассвело уже давно, но здесь, вблизи Тьмы, все равно были сумерки. Пусть пока и не очень густые, все же время как раз около полудня, но полдень этот не ощущался никак. А вот дождь ослаб, да и ветер заметно стих. Насколько я уже успел понять, такое затишье возле Тьмы – тоже норма. Ну хоть что-то хорошее.

Проверил оружие, снарягу – вроде все на месте. Скоро, уже скоро. Федька сменил Ивана на штурвале, а тот вроде как не знал, что ему сейчас делать.

– Вань, давай к «дегтярю», – сказал я ему. – В люк пока не лезь, но если какое подозрительное шевеление на берегу заметишь – дави огнем, понял?

Иван, даром что в экспедиции главный, спорить не стал, подтащил пулемет к себе ближе. Местный «дегтярь», к слову, не наш классический ДП, тот, что с большим круглым диском сверху, а другой, РП-46, с питанием лентой из короба и длинным тяжелым стволом. Не ПКМ, конечно, но тоже добротный пулемет. Сам же я подхватил другого «дегтяря» – РПД[3 - ДП – так называемый Дегтярев-пулемет (1927 г.); РП-46 – ротный пулемет Дегтярева; РПД – ручной пулемет Дегтярева. ПКМ – пулемет Калашникова.], «ручника», что стоял наготове в ходовой рубке, и тоже приготовился к отражению чего угодно, что бы ни случилось.

Но все было тихо, только вода поплескивала в стальной борт лодки, да двигатель неутомимо тарахтел сзади.

Вдали от берега показались терриконы и конструкции заброшенных шахт, и Иван сказал:

– За следующим поворотом затон будет, кажется.

– Похоже на то, – согласился я, вспомнив карту.

Точно, там так и было: шахта на берегу, поворот русла, а затем маленький порт, в котором раньше уголь грузили. Туда нам и надо.

Как все же лодка медленно движется. Вроде совсем рукой подать, а она еле-еле метр за метром на винт наматывает, берега мимо нас еле ползут. Вон на мысу появилось какое-то зданьице вроде портовой конторы, вон горы дробленого угля, вон замерший кран виден… или экскаватор, с ковшом на тросах… почти нержавый бок надстройки какого-то парохода… мачты вроде, но пока еще мысок закрывает…

Затон был небольшим вроде, но набилось туда много всего. Больше всего было барж, конечно, грязных от угля, но почти не ржавых – аномальное время позаботилось. Была пара земляных шаланд, к пирсу прижались боками два небольших буксирчика. Несколько лодок, из них всего две моторных. Плавказарма, с виду вовсе новая, стоит тоже далеко от берега.

– А это что? – спросил вдруг Федька, ткнув пальцем в сторону добротной самоходной баржи, пришвартованной не к причалу, а стоящей на двух бочках

чуть не в середине затона.

– «Ка-рась», – прочитал я по слогам. – Не понял, вот так взяли – и нашли?

– Похоже на то, – сказал, явно недоумевая, наш рулевой.

Как-то странно это все, неправильно. Из-за документов из архива местного райотдела НКВД мы чуть все не погибли, чудом выжили, а тут вот так? Прямо как на подносе, и еще стоит отдельно. Прямо так стоит, что даже Тьма там завестись не сможет… хотя это вполне объяснимо: «Карась» же здесь не от начала времен стоял, недавно пришел.

– Федь, прижмись к нему, что ли… – как-то неуверенно попросил Иван, тоже явно озадаченный такой простотой совершившегося.

– Не вопрос, – кивнул Федька, замедляя наш катер до черепашьей скорости.

– Хотя… почему бы и нет? – между тем разговаривал сам с собой Иван. – Полгода назад Тьма прямо по тому берегу стояла, сюда бы даже псих не сунулся… Потом отодвинулась. Нет, все в принципе в пределах нормы, – добавил он, обращаясь уже ко мне.

– Может, и так, – кивнул я и вышел с РПД в руках на палубу.

На «Карасе» тихо, безлюдно. Палуба и надстройки грязные – похоже, что летом с берега ветром угольную пыль надувало, а потом с дождями это все в мерзкую черную грязь замесилось. Двери в надстройку закрыты, иллюминаторы задраены, дыр от пуль и следов от когтей не вижу. Выглядит покинутым, но именно что «покинутым» – экипаж словно просто на берег сошел, позаботившись о судне.

– Ну чего, залезем туда? – шепотом спросил Иван, что-то немного растерявший уверенность.

Интересно, как люди по-разному в разных обстоятельствах проявляются. Когда стреляли и когда мы еле отбивались, Иван спокойней всех был. А вот когда так, как сейчас, все тихо, но непонятно, – что-то подрастерялся, как мне кажется, все

на меня смотрит.

– Залезем, а чего? Ты давай здесь подежурь, а мы с Федькой глянем для начала.

– Федька подежурит, – заявил Иван, перехватывая ППШ поудобней.

– Не, ни хрена, – сразу заявил я. – Мы с тобой движение парой не прорабатывали. Осмотрим – потом полезешь. И вообще… – Я ткнул в него пальцем и быстро произнес детскую считалку «Шышел-мышел». – Видал?

Ну да, четыре слова всего, нас трое, с кого начнешь, тому и «водить». Но Иван от такой простоты решения вопроса обалдел и ничего не возразил. Федька же достаточно мягко сумел подвалить к «Карасю». Противно скрипнули покрышки, а я забросил трос на утку баржи и быстро подтянул к ней наш катер. Опять же ничего не случилось – пришвартовались, и все.

– Фонари, очки, – уже машинально скомандовал я.

Пусть и на воде баржа, а все равно предосторожности лишними не бывают. Мало ли! Я поправил рюкзак с батареей, щелкнул переключателем. Яркий луч уперся в палубу у меня под ногами. Огляделся.

В моей действительности я таких судов и не видел в России. Вот в Голландии их на каналах много стояло, а у нас не было. Широкое такое корыто, в длину метров двадцать. Сзади надстройка с чуть торчащей ходовой рубкой. На палубе большие, поднятые над ней примерно на метр люки. Типа сухогруза что-то, но речное и маленькое. Хотя кому маленькое, а кому и нормально. Сколько сюда тонн накидать можно? Двадцать? Пятьдесят? Черт его знает, но места хватает.

– Ну че, тут только в надстройку идти, – сказал Федька.

– Ага, верно.

Стальная, закругленная снизу и сверху дверь открылась с гулким металлическим скрипом, луч осветил что-то вроде кают-компании, совмещенной с кубриком. Крошечный камбуз. Трап наверх и трап вниз.

– Постой тут, я наверх загляну, – сказал я Федьке.

Тут окна большие, так что вообще беды ждать не следовало. Я, не слишком даже хоронясь, поднялся по трапу и заглянул в ходовую. Да, тут не спрячешься. Место рулевого, стол письменный у окна, возле него кресло не слишком судового вида, явно с берега. Рабочий кабинет Серых заодно? Может быть, почему бы и нет.

– Че там? – спросил Федька, когда я спустился вниз.

– Чисто. Пошли ниже.

Внизу были двери в гальюн и в машину. Но и в машинном отделении не было ничего опасного и даже интересного. Большой замасленный двигатель с торчащими как лианы проводами, какие-то баки – с горючим, наверное, – через небольшие грязноватые иллюминаторы свет пробивается, тоже не слишком чистый. Присутствия Тьмы даже организмом не чувствуешь, что на таком от нее расстоянии противоестественно. Опять же вода спасает?

Трюм заинтересовал больше. Из него вела дверь в форпик – «таранный», так сказать, отсек. И там обнаружился грубый дощатый настил на полу и несколько старых и грязных одеял, брошенных на него. У самой двери валялась алюминиевая миска.

– Ни хрена себе, – сказал Федька. – Это чем ученый Серых занимался?

– На зиндан похоже.

– Зиндан – яма, – поправил он меня.

– У нас бандюки так называли любое место, где забранного человека можно было запереть.

– Ага, тогда похоже, – кивнул он. – Кого-то здесь точно держали.

– Держали. С помощью Паши. С помощью Паши, – повторил я, обернувшись к Федьке. – Мы с ним поосторожней теперь, лады?

Федька только кивнул.

Нехорошее какое-то судно получается. Как-то сразу подвал вспомнился с мучительски сожженной Скляр. Там ведь тоже проход искали.

А вообще трюм был пуст и даже чисто выметен, похоже. И вообще на судне было пусто и, кажется, безопасно.

– Федь, свистни Ивана, – обернулся я к товарищу. – А я пока тут погляжу, что тут к чему.

– А на катере кто?

– А на хрена там кому-то быть? Спокойно же. Пулеметы притащите разве что, на всякий случай.

– Ну… да, оно и верно, – согласился со мной Федька и, повернувшись, побежал на корму, к трапу.

Дела Фермы – это дела Фермы, а у нас в этом деле и свой интерес имеется. Вновь включив фонарь под стволом автомата, я зашел в импровизированную тюремную камеру, огляделся. Первое, что увидел, – наручники, одним кольцом продетые в скобу, торчащую из шпангоута. Присел, поболтал их пальцем на короткой трехзвенной цепочке.

А вообще интересно… что-то я сомневаюсь, что здесь можно много наручников найти. Я ведь старые книги читал, и немало – не было тогда у каждого милиционера по комплекту, разве что в рассказах про НКВД иногда упоминались. И, кстати, они были импортные, насколько я помню. Ну это о нашей действительности.

Так… и на этих какая-то непонятная маркировка, но буквы латинские. RMW, кажется. Импорт. Или трофей. Интересно, откуда они могли взяться? У кого они в городе есть? И почему их тут оставили, кстати? Не нужны больше? Наверняка среди тех, кому они могут понадобиться, предмет это ценный.

Что еще… что еще? Одеяла грязные, но не очень, так что на них не сотни узников посидеть успели. Просто в самом отсеке не слишком чисто, вот и испачкались. Мелькнула было мысль о вшах, но я от нее отмахнулся – они бы без тепла за столько времени давно передохли, да и кажется мне, что вряд ли они здесь успевали заводиться.

Когда я увидел нацарапанную на деревянном брусе надпись, я даже удивился не очень. Видна она была еле-еле, это не гвоздем было сделано и не ножом, а чем-то… чем-то таким, в общем, что дерево еле-еле подалось. Но надпись была и читалась: «Алевтина Скляр, Дедовск – Углегорск».

Вот так.

Адаптанты, говорите?

Я провалился?

Серых искал способы прохода?

Уехала в Сальцево?

Стоп. Эту баржу уже семь месяцев как ищут, даже больше, а я провалился куда позже. Что-то здесь не так.

Мысли выскакивали в мозгу, как символы в окошечке игрального автомата. Какие-то куски головоломки соединялись, какие-то распадались, порядка пока не было никакого. Но зато появилась твердая уверенность в том, что я что-то ухватил. Какой-то конец веревочки, торчащий из клубка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В нашем мире это самозарядный карабин Симонова.

2

ППШ – советский пистолет-пулемет Шпагина; МР-40 – немецкий пистолет-пулемет Фолмера, оружие немецкой пехоты.

3

ДП – так называемый Дегтярев-пулемет (1927 г.); РП-46 – ротный пулемет Дегтярева; РПД – ручной пулемет Дегтярева. ПКМ – пулемет Калашникова.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mariya-kruz/dveri-vo-tme-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить